

Но было кое-что еще более удивительное: этот молодой господин ни разу не переступал порог лагеря, словно армейская жизнь ему вовсе не казалась скучной. Каждый месяц у них было два выходных, и бойцы разбегались кто куда — развеяться, повидать друзей или как следует поесть. А Лин Цзыхань никогда никуда не ходил, оставаясь либо в штабе изучать документы, либо у себя в комнате — отдыхать.

Со стороны казалось, что Лин Цзыхань спокойно переносит все тяготы тренировок, будто собирается пустить корни в этих местах. На совещаниях командования отряда он появлялся аккуратно, но лишь внимательно слушал, никогда не высказывался, проявляя искреннюю скромность, — придраться было абсолютно не к чему, выжить его не получалось.

Прошло уже больше двух недель, в Синьцзяне царило затишье, и им ни разу не пришлось выдвигаться на задание. Лин Цзыхань беспрекословно следовал распорядку отряда: весь день тренировался, а по вечерам сидел в штабе, изучая историю отряда и отчеты о прошлых операциях, сверяя их с подробными материалами, которые он читал в Пекине, в надежде найти хоть какую-то зацепку.

То, что Лин Цзин его невзлюбил, он понял сразу. Трое командиров рот явно хотели его выжить и даже не скрывали этого — он отчётливо чувствовал их сильную неприязнь. Тренировки шли день за днем, и ему приходилось быть начеку. Он не мог раскрыть свою личность, показать настоящую физическую подготовку и навыки, но и не должен был выглядеть слишком беспомощным, давая им законный повод потребовать его ухода.

Порой он мысленно вздыхал, снова и снова обдумывая ситуацию. Это задание поручили ему лично высшие руководители страны и армии, и он сам хотел докопаться до истины — чтобы либо восстановить справедливость для зверски убитых мирных жителей, либо доказать невинность Лин Цзина. Но сможет ли он выдержать? Что, если нагрузку ещё увеличат? По логике, конечно, нужно стиснуть зубы и терпеть. А если не вытерпит? Может ли он, следуя их профессиональным принципам, сойти с дистанции на полпути?

Сейчас он совершенно не был уверен в своем теле. Его воля оставалась твердой, как сталь, но тело стало тонким, как бумага, и хрупким, как тростник. Он продолжал принимать лекарства по предписанию врачей, но специалисты из 643-го госпиталя уже сменили ему не один препарат, и ни один не дал заметного эффекта. Раньше он еще теплил слабую надежду, что найдется лекарство — от физического недуга или от душевного, — поэтому терпеливо следовал всем указаниям, бесконечно проходя разные процедуры и принимая разные таблетки. Теперь же он не питал уже никаких надежд. Он отчётливо понимал: его болезнь неизлечима, смерть — лишь вопрос времени.

Болезнь прогрессировала, и всё больше времени он проводил в муках от боли. Разные очаги воспаления в его теле вспыхивали то тут, то там, из-за чего его часто лихорадило, и чувствовал он себя отвратительно. Впрочем, когда боль, температура и озноб стали привычными, переносить их стало чуть легче. По правде говоря, он уже забыл, что такое здоровье, и не помнил, каково это — когда ничего не болит.

Свыше двух недель тренировок — и он еще больше исхудал, тело стало выглядеть еще более тщедушным, лицо — бледнее, а глаза потускнели, в них не осталось и искорки. Бойцы, люди горячие и прямодушные, уже начали испытывать к нему жалость. Даже Лю Юн и Чжоу Цимин не решались больше заставлять его проходить интенсивные тренировки в своих ротах и начали понемногу, ненавязчиво о нём заботиться.

Дни текли за днями. Каждое утро Лин Цзыхань по-прежнему вставал по подъему и выходил с

ними на зарядку. Его тело, казалось, слабело на глазах: после пробежки он всегда выбивался из сил, лицо становилось мертвенно-бледным, даже с синевой, и он подолгу стоял, не в силах вымолвить ни слова.

Через несколько дней Лин Цзин, в конце концов, не выдержал — стало не по себе смотреть. Он сказал ему:

— Лин, если плохо себя чувствуешь, можешь и отдохнуть. Просто скажи мне.

— Я еще потерплю, — мягко улыбнулся Лин Цзыхань. — Ничем помочь не могу, так хоть не буду вам обузой. Ничего, потренируюсь — может, и окрепну.

Лин Цзин уже начал к нему проникаться симпатией и с недоумением спросил:

— Вообще-то, зачем ты, такой благополучный, сюда приехал, чтобы мучиться?

Лин Цзыхань посмотрел на него несколько мгновений и спокойно ответил:

— Мой отец и дядя Лэй считают, что мне стоит попробовать пожить вашей жизнью.

Лин Цзин не удержался:

— А кто твой отец?

Лин Цзыхань ответил небрежно:

— Обычный чиновник в ранге министра.

Лин Цзин больше не стал расспрашивать. Очевидно, это был воспитанный «наследный принц». Он слышал от пекинских друзей, что настоящие «принцы» обычно не кичатся своим положением, а те, кто вечно трещит «а мой папа...», чаще всего — самозванцы.

После этого Лин Цзыхань по-прежнему старался участвовать в тренировках. Хотя «заметного прогресса» так и не наблюдалось, старание он проявлял. Бывалые бойцы стали относиться к нему куда снисходительнее, постепенно начали с ним шутить. Что бы ему ни говорили — язвили ли, проявляли заботу — он всегда отвечал мягко и спокойно улыбался. Такая выдержка не могла не вызывать уважения у этих вспыльчивых и прямолинейных вояк.

В глазах всего личного состава отряда «Дикий волк» этот молодой барин, никогда не служивший в армии, ко всему, казалось, проявлял живой интерес. Он часто подходил с вопросами к младшим командирам, и вопросы были самые разные: от применения разных видов оружия и приемов рукопашного боя до тактики спецподразделений и разборов прошлых операций. Особенно прошлые бои он слушал, словно увлекательные легенды, всегда с огромным интересом, то и дело восклицая от изумления, — и бойцы, подогретые его реакцией, рассказывали еще азартнее.

Лин Цзин снисходительно относился к его детскому любопытству, лишь усмехался, но не вмешивался.

Лю Юн же к этому воспитанному заместителю командира питал больший интерес, чем остальные. Из двух его магистерских дипломов один был по военному командованию, а второй — по философии. С товарищами он не мог вести беседы на более глубоком уровне, поэтому, когда появился начальник, который «книжки читал», он несказанно обрадовался. А увидев

книги, которые тот привез, и вовсе пришел в восторг.

Лин Цзыхань привез с собой новейшую модель электронной книги, которая могла выразительно читать текст вслух. В свободное время, помимо просмотра теленовостей, он часто лежал на кровати и слушал книги. Он выставил мужской голос — низкий, мягкий, приятный для слуха.

Когда Лю Юн впервые зашел к нему в гости, Лин Цзыхань как раз полулежал на кровати и слушал английскую версию «Дикой красоты» — книгу знаменитого канадского натуралиста о жизни волков.

Лин Цзыхань открыл дверь, с улыбкой пригласил войти и потянулся, чтобы выключить устройство.

Лю Юн поспешно остановил его:

— Лин, что это за книга? Дайте и мне послушать.

Лин Цзыхань с улыбкой кивнул и пошел наливать чай.

Лю Юн слушал, завороченный, даже забыв о светских приветствиях. Когда уже почти наступило время отбоя, он всё еще не мог оторваться и в конце концов взял устройство с собой, чтобы скопировать книгу на свой читалку. По пути он столкнулся с Лин Цзином и не удержался, радостно сообщил:

— Командир, я отличную книгу нашел! — И тут же показал ему текст.

Лин Цзин глянул и, не говоря ни слова, забрал книгу себе:

— Сначала я прочитаю.

Лю Юн хихикнул:

— Это Лин привез. Не думал, что он такое любит.

Услышав это, Лин Цзин даже немного удивился, но ничего не сказал. То, что Лин Цзыхань продержался так долго — больше месяца и без намёка на отступление, — и вправду его поразило. Ло Цяньцю и Лу Шаохуа, служившие с ним дольше всех, уже теряли терпение и собирались применить более жесткие меры, чтобы заставить этого молодого господина быстро осознать трудности и отступить, но Лин Цзин их остановил. Глядя на то, как Лин Цзыхань слаб и хрупок, он боялся, как бы они ненароком не угробили этого наследного принца.

<http://bllate.org/book/16287/1468937>